

Для цитирования:

Карташов В. Н. Концепция юридической практики, сформулированная С. С. Алексеевым, ее интерпретация отечественными и зарубежными авторами // *European and Asian Law Review*. 2024. № 3. Т. 7. С. 36–47. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_36.

Information for citation:

Kartashov, V. N. (2024) Kontseptsiya yuridicheskoi praktiki, sformulirovannaya S. S. Alekseyevym, ee interpretatsiya otechestvenny`mi i zarubezhny`mi avtorami [The Concept of Legal Practice Formulated by S. S. Alekseev, its Interpretation by Domestic and Foreign Authors]. *European and Asian Law Review*. 7 (3), 36–47. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_36.

УДК 340.1

BISAC 052000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_36.

Научная статья

**КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ,
СФОРМУЛИРОВАННАЯ С. С. АЛЕКСЕЕВЫМ,
ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ
И ЗАРУБЕЖНЫМИ АВТОРАМИ**

В. Н. Карташов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ORCID ID: 0009-0005-5344-8452

В статье подведены некоторые итоги исследования понятия, полиструктурности и полифункциональности юридической практики, ее места и роли в правовой системе общества. Основное внимание уделяется взглядам С. С. Алексеева на соответствующие вопросы, а также интерпретации природы юридической практики отечественными и зарубежными авторами.

Ключевые слова: *юридическая практика, юридическая деятельность, правовой опыт, структура и функция юридической практики*

**THE CONCEPT OF LEGAL PRACTICE FORMULATED
BY S. S. ALEKSEEV, ITS INTERPRETATION
BY DOMESTIC AND FOREIGN AUTHORS**

Vladimir N. Kartashov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

ORCID ID: 0009-0005-5344-8452

The article summarizes some results of the study of the concept, polystructure and polyfunctionality of legal practice, its place and role in the legal system of society. The main

---

attention is paid to S. S. Alekseev's views on relevant issues, as well as the interpretation of the nature of legal practice by domestic and foreign authors.

Keywords: *legal practice, legal activity, legal experience, structure and function of legal practice*

Вы должны повторять себя очень часто,
чтобы не противоречить самому себе.

Е. В. Булыгин

Понятие юридической практики

подавляющее большинство авторов до сих пор отождествляют юридическую практику с юридической деятельностью. Такой взгляд экстраполирован из философской литературы и считается традиционным для многих наук. Не только в монографической, учебной, но и в справочной литературе указывается, что под практикой необходимо понимать чувственно-предметную деятельность людей, которая направлена на тот или иной объект с целью его преобразования для удовлетворения сложившихся потребностей и составляет движущую силу развития общества и познания (Философский энциклопедический словарь) [Алексеев, Панин, 2010: 347].

Юристы в этом плане не являются исключением. Более того, нередко та или иная разновидность юридической практики рассматривается в качестве государственной деятельности. Чтобы не быть голословным, приведу несколько теоретических источников. Так, Т. Н. Радько пишет: «Правотворчество – важнейший показатель государственной деятельности, это его монопольное право» [Радько, 2009: 363]. С. А. Комаров в «Глоссарии» к своему учебнику формулирует следующее определение соответствующего понятия: «Правотворчество есть вид государственной деятельности, в результате которой воля народа (класса, социальной группы, политических сил, стоящих у власти) выражается в норме права в виде определенного источника прав» [Комаров, 2018: 492].

Весьма оригинальную позицию по данной проблеме занимают европейские ученые-юристы. Так, известный французский исследователь Норбер Рулан пишет, что термин «юридическая практика» обозначает «все, что связано с применением права» [Норбер, 2005: 194]. Раймон Леже, раскрывая значение судебных решений в Германии и Франции, высказывает достаточно распространенную в настоящее время точку зрения на природу судебной практики. «То, что называют судебной практикой, – пишет он, – является совокупностью норм, из которых можно сделать вывод о преобладании судебных решений. Но одно решение, пусть даже и вынесенное высшим судебным органом, не лишает суды, которые в последующем столкнутся с подобным вопросом, свободы в принятии решения. К тому же, ничто не запрещает судам, которые заняли определенную позицию по какому-то правовому вопросу, изменить свою точку зрения и воспользоваться „поворотом“. Судебные решения имеют только убеждающее значение» [Леже, 2010: 84]. По мнению указанного автора, соблюдение прецедентов в Англии осуществляется также с определенной гибкостью: все зависит от того, «правильные» или «неправильные» решения выносят суды. А провести это различие становится все труднее, что приводит к выводу об ослаблении силы судебных прецедентов в Соединенном Королевстве [Леже, 2010: 85–87].

Что же понимал под юридической практикой Сергей Сергеевич Алексеев? В конце 70-х и начале 80-х гг. XX в. в работах «Проблемы теории права» (в 2 т., 1972–1973) и «Общая теория права» (в 2 т., 1981–1982) он писал, что юридическая практика

представляет собой «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел» [Алексеев, 1981: 340–341].

Все это верно, когда речь идет о правоприменительной, в том числе судебной, практике. Однако если рассматривать другие разновидности юридической практики (правотворческую, интерпретационную, правосистематизирующую и пр.), то общетеоретическая концепция юридической практики представляется более широко, чем в работах С. С. Алексеева, С. Н. Братуся, А. Б. Венгерова, В. П. Реутова, В. И. Леушина и других авторов.

Длительное и обстоятельное исследование этой проблемы привело меня к следующим выводам.

Юридическая практика – это деятельность по изданию (толкованию, реализации, применению и систематизации) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным юридическим опытом (социально-правовой памятью). В юридической деятельности отражается динамичная сторона любой практики. Юридический опыт представляет собой статичный ее компонент.

Юридическую деятельность следует рассматривать как разновидность человеческой деятельности. Ей присущи основные черты, характерные для любой деятельности людей, их коллективов и представителей организаций: предметность, целесообразность, упорядоченность, избирательность, системность, планомерность, самоорганизованность и др.

Под *юридической деятельностью* понимается коммуникативная, социально и технически-преобразующая деятельность разнообразных субъектов права, которая направлена на выполнение определенных задач (создание законов, технико-правовых и иных нормативных правовых актов, осуществление правосудия, толкование юридических предписаний), удовлетворение тем самым как общесоциальных и групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов.

Для характеристики юридической практики важно иметь в виду два значения термина «*опыт*». Речь в данном случае, по сути дела, идет о социально-правовой памяти, природа которой недостаточно исследована отечественными и зарубежными авторами.

Во-первых, следует выделять *личный опыт*, который выражается в определенных знаниях, навыках, умениях, привычках, мастерстве, накопленных субъектом в обучении, общении и деятельности. Являясь частью правосознания, подсознания и правовой культуры, личный опыт накладывает отпечаток на характер и стиль деятельности субъектов, на использование ими средств и приемов, юридических предписаний, выносимые решения.

Во-вторых, следует выделять *объективированный во вне правовой опыт*, который формируется в процессе разрешения конкретных социально-правовых ситуаций, систематизации и обобщения материалов практики, находит выражение в разнообразных юридических актах-документах. Аккумулируя достаточно устойчивые, стабильные, социально ценные моменты деятельности, юридический опыт в указанном смысле вместе с ней составляет второй главный элемент практики. В судебной практике, например, юридический опыт находит отражение и закрепление в различного рода справках по результатам обобщения материалов, в обзорах судебной практики, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Правотворческий опыт, в свою очередь, формируется в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов, их обсуждения, издания, опубликования. Еще римские юристы придавали этому аспекту проблемы большое значение. Они писали: «Experientia

per varios actus legem facit» («Опыт, полученный от различных действий, создает закон»).

Данный опыт по своему содержанию, формам выражения и последствиям бывает как позитивным, так и негативным. На эти аспекты опыта, пожалуй, впервые обратил внимание Ф. Бэкон в работе «Новый Органон. Опыты» [Бэкон, 2021]. «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт...» – писал он [Бэкон, 2021: 42].

Подавляющее большинство отечественных и зарубежных авторов утверждают, что юридическая практика имеет объективный характер. Нами обстоятельно обоснованы *объективно-субъективные качества* юридической практики, которые выражаются в том, что ее творцами, субъектами и участниками выступают отдельные люди, их коллективы и представители органов и организаций, обладающие определенным уровнем правового мышления, выражающимся во внешне наблюдаемой системе действий и объективированных результатах.

В отличие от теоретической (научной) деятельности, где вырабатываются идеи, концепции и понятия, *практика направлена на объективно-реальное, сознательное изменение общественной жизни*. Это выражается, например, в регулировании поведения людей, охране их прав и законных интересов, разрешении юридических споров и конфликтов, удовлетворении с помощью правовых способов и средств материальных и иных потребностей.

К особенностям практики следует отнести то, что она всегда порождает и *юридические последствия*. Так, практика реализации права связана с возникновением, изменением и прекращением правоотношений, применением конкретных, индивидуально-персональных мер поощрения и принуждения.

Любая юридическая практика сама *детерминирована разнообразными правовыми и техническими предписаниями*. Так, в нормативно-правовых предписаниях закрепляются компетенция ее субъектов, использование ими определенных средств и методов деятельности, способы оформления вынесенных решений и накопленного опыта. Тем самым обеспечивается ее стабильность, ограничивается волюнтаризм ее субъектов и участников.

Существенные ограничительные (регулятивные и пр.) начала заложены во внешних по отношению к практике природных и социальных, экономических и политических, материальных и духовных, национальных и иных детерминирующих факторах (социальном ее субстрате, ее природной «данности»). Указанные факторы в той или иной степени ориентируют участников в их деятельности, ограничивают их операции определенными рамками, обуславливают цели и функции практики.

Основные разновидности практики (правотворческая, правоприменительная, судебная, следственная) представляют собой *специфические духовно-материальные производства*, соответствующим образом организованные и спланированные, где есть необходимая продукция и стандарты ее качества, производители и потребители, техника и тактика, стратегия и другие элементы юридической технологии [Карташов, 2007: 16–24].

Все разновидности позитивной юридической практики *служат укреплению государственного и политического режима* в стране. Например, повышение качества правотворческой практики, создание Свода законов Российской империи (1832), эффективная реализация основных его положений были направлены на стабилизацию обстановки в стране, укрепление абсолютизма, утверждение незыблемости привилегий господствующих классов и социальных слоев населения.

Оптимальный уровень любой юридической практики – *объективная предпосылка укрепления законности и правопорядка в обществе*. Только в условиях компакт-

ного, цельного, непротиворечивого и беспробельного законодательства, грамотного его истолкования, применения и исполнения возможно строгое и неукоснительное соблюдение законов и основанных на них подзаконных (нормативных, правоприменительных, интерпретационных) актов, надежная защита прав и интересов граждан, их коллективов и организаций, минимизация проявлений юридической антикультуры в обществе [Карташов, 2019].

Юридическая практика в той или иной степени *влияет на все стороны жизни общества, способствуя развитию происходящих в нем процессов либо тормозя их*. Это исходное положение следует иметь в виду при формировании и реализации любых планов и программ экономического, политического, социального и иного переустройства общества. Так, низкое качество принимаемых нормативных правовых актов, неверное их разъяснение, неудовлетворительное претворение правовых предписаний в жизнь существенно замедляют и затрудняют формирование в России цивилизованного гражданского общества, построение демократического и социального государства.

Анализ отмеченных и иных черт юридической практики показывает, что она занимает самостоятельное и ведущее место в правовой системе любого общества, играет существенную роль в механизме правового регулирования общественных отношений, о чем постоянно напоминал С. С. Алексеев.

Структура юридической практики

В отечественной юридической науке, по сути дела, нет ни одной работы, в которой был бы более или менее четко раскрыт данный аспект проблемы. Анализ почти всех работ С. С. Алексеева, в которых так или иначе затрагиваются вопросы юридической практики, показывает, что в ее структуре выделяются обычно содержание и форма практики. Причем он различает «практику как конкретную организационную деятельность» и «практику как итог, результат этой деятельности».

Ученый различает три формы юридической практики: текущую, прецедентную и руководящую (названия, по его мнению, условные). Под *текущей* он понимает «опыт применения законодательства, выраженный в решении судов по конкретным юридическим делам». Эту форму практики ученый считает первичной, наиболее простой. *Прецедентная* представляет собой «опыт применения законодательства, выраженный в постановлениях и определениях высших судебных, а также арбитражных и некоторых иных органов по конкретным делам, имеющим принципиальный характер (т. е. делам, наиболее остро выявляющим спорные вопросы применения закона, по-разному решаемым нижестоящими органами, и т. д.)». Такая практика является «прецедентной», потому что дает прецедент толкования, или, точнее, прецедент (образец) применения права». «*Руководящая* – опыт применения законодательства, выраженный в особых актах центральных судебных и иных юрисдикционных органов (постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и союзных республик...), в которых данные практики обобщенно, «вторично» формулируются в виде конкретизирующих нормативных правовых предписаний. Это – высшая форма практики, которой в СССР (ст. 3 Закона СССР о Верховном Суде СССР) придано руководящее значение. Здесь опыт применения законодательства не связан непосредственно с решением юридических дел» [Алексеев, 1981: 353–354].

Такой подход в свое время имел существенное теоретическое, практическое и дидактическое значение.

Жизнь и наука, однако, не стоят на месте. Анализ философской, социологической, психологической и иной литературы привел меня к следующим выводам.

Во-первых, в общем плане под *структурой юридической практики* следует понимать такое ее строение, расположение основных свойств, элементов и связей во времени, пространстве и т. п., которое обеспечивает ее целостность (единство содержания и формы), сохранение объективно необходимых качеств и функций при воздействии на нее разнообразных факторов (способов, сил, уровней) реальной действительности.

Во-вторых, юридическая практика – образование полиструктурное, включающее, в частности, генетическую и функциональную, логическую (логику-философскую) и психологическую, пространственную и временную, горизонтальную и вертикальную, стохастическую и синергетическую, рекурсивную и циклическую, а также иные ее структуры.

Генетическая структура раскрывает связи отдельных элементов и юридической практики в целом с экономическими и политическими, социальными и духовными, организационными и нравственными, юридическими и иными предпосылками общественной жизнедеятельности. Именно эта структура позволяет на глубоко научной основе исследовать механизм детерминации практики (отдельных ее элементов, типов, видов и подвидов).

Функциональная структура, во-первых, показывает, насколько эффективно функционирует каждый из элементов практики (субъекты и участники, конкретные юридические действия и операции, средства и методы их использования); во-вторых, раскрывает способы взаимодействия (связей, отношений) между различными ее элементами; в-третьих, указывает на функции, которые выполняют ее отдельные типы (виды и подвиды) и практика в целом. В данном случае уже сама юридическая практика выступает в качестве определенной детерминанты по отношению к экономической и политической, духовной и другим сферам жизнедеятельности общества. Указанная структура позволяет выделить те юридические и иные социальные последствия, к которым приводят каждый из элементов практики (либо определенные ее типы, виды и подвиды).

Рассмотрение *логику-философской структуры* позволяет отразить взаимосвязь частей и целого, элементов и системы, содержания и формы практики. В философии правильно подчеркивается, что «структура – это не только способ расположения элементов объекта в пространстве, но и строение определенного процесса во времени, это определенная последовательность и ритм изменения процесса. Она есть единство содержания и формы (выделено нами. – В. К.)» [Спиркин, 2009: 276–277]. Содержание позволяет раскрыть совокупность образующих практику внутренних свойств и элементов, форма – показать организацию, существование и внешнее выражение ее содержания.

Содержание юридической практики можно исследовать в общесоциальном и институциональном аспектах. Если изучать ее с общесоциальной стороны, то можно выделить экономическое, политическое, социальное, экологическое и иные виды ее содержания. Например, когда в юридической практике затрагиваются экономические потребности и интересы субъектов и участников, то речь идет об экономическом ее содержании. Естественно, что в тех случаях, когда в разнообразных ее типах (видах и подвидах) отражаются политические, социальные, имущественные, семейные потребности и интересы, следует, видимо, выделять и соответствующие виды ее содержания.

Содержание юридической практики можно представить и в институциональном аспекте, выделив конституирующие ее элементы и свойства. Поскольку основные свойства мы уже исследовали, укажем лишь на те компоненты и элементы, из которых складывается ее строение.

Как я уже отмечал, юридическая деятельность и социально-правовой опыт составляют два основных компонента содержания практики. Каждый из этих компонентов также структурирован.

В любой юридической деятельности следует выделять внешние и внутренние (субъективные, сознательные и подсознательные) ее аспекты. При исследовании субъективной стороны юридической практики речь, по существу, идет о ее *психологической (психической) структуре*, внутренней детерминанте, идеологическом и психическом механизме поведения (деятельности) ее субъектов и участников [Карташов, 2011: 40–52].

Внешняя сторона заключается в том, что все элементы психического механизма правового поведения субъектов и участников практики имеют определенное юридическое значение и оценку лишь тогда, когда они внешне выражены, объективированы в их конкретных практических действиях и результатах.

Конституирующими элементами внешней стороны содержания юридической деятельности выступают ее объекты и предметы, субъекты и участники, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления, принятые решения и др.

Особое место в содержании практики занимает юридический опыт, который может отражать как совокупный итог всей юридической деятельности, так и отдельные ее моменты. Составными элементами социально-правового опыта являются правовые «стандарты» и «культурные образцы», т. е. такие достаточно устоявшиеся, выработанные, как правило, в ходе многолетней практики предписания общего характера, которые аккумулируют социально ценные и стабильные фрагменты (стороны, аспекты) той или иной юридической деятельности. Подобные образцы (в отечественной литературе их очень часто называют «правоположениями») бывают правотворческими и правоприменительными, рекомендательными и разъяснительными, судебными и нотариальными.

Формы юридической практики – это способы организации, существования и внешнего выражения содержания последней.

Говоря о форме, целесообразно выделить в ней внутреннюю и внешнюю стороны. *Внешней формой* здесь выступают разнообразные юридические акты-документы (нормативные и индивидуальные, судебные и следственные), в которых закрепляются правовые действия, методы и средства их осуществления, вынесенные решения.

К *внутренней форме*, т. е. способу организации, внутренней связи элементов содержания, относится процедурно-процессуальное оформление юридической практики, которое определяет круг ее субъектов и участников, объемы их процессуальных прав и обязанностей, условия вступления в правовой процесс и выбытия из него, порядок оперирования средствами и методами, сроки и время совершения действий, процессуальные гарантии и условия, процедуры принятия и исполнения решений, порядок их закрепления и опротестования (обжалования) и другие процедурные требования, связывающие в единое целое разнообразные свойства и элементы деятельности.

Взаимообусловленность, взаимодействие и развитие компонентов обеспечиваются правовыми и неправовыми *связями и отношениями*, с помощью которых совершается перенос энергии, информации, свойств, осуществляются взаимный обмен результатами различных видов деятельности, контроль, помощь в реализации разнообразных правовых полномочий и функций. В этом легко убедиться, если рассмотреть, например, взаимодействие органов следствия, прокуратуры, суда.

Главное место среди этих связей и отношений занимают правовые отношения, которые в силу своей нормативной заданности, персонифицированности, гарантированности в каждой социально-правовой ситуации определяют индивидуализированные полномочия и обязанности, конкретную направленность юридических действий их субъектов и участников.

Пространственная структура проявляется в наличии разнообразных типов, видов и подвидов практики (правотворческой и правосистематизирующей, судебной и следственной, нотариальной и т. п.), функционирующих в той или иной правовой системе либо семье.

Временная структура дает возможность раскрыть относительно обособленные во времени и развернутые в определенной последовательности этапы (фазы) «движения» субъектов и участников юридической деятельности к запланированному результату, т. е. речь в первую очередь идет об определенных процессуальных стадиях.

Традиционно в общетеоретическом плане с некоторыми нюансами почти все авторы выделяют три стадии правоприменительной практики: а) анализ фактических обстоятельств дела; б) выбор и исследование норм права; в) вынесение решения по юридическому делу.

В рамках изучения временной структуры практики приведенная классификация – определенный нонсенс. Она не отражает существа дела и ведет к чисто умозрительным строениям. Представляется, что правоприменительный процесс при рассмотрении любого юридического дела состоит из следующих стадий: а) определение подведомственности; б) возбуждение юридического дела; в) подготовка дела к рассмотрению; г) разбирательство дела; д) принятие юридического решения; е) его документальное оформление; ж) оглашение (опубликование) решения (акта).

В каждой из этих стадий можно выделить стадии помельче, которые раскрывают качественные особенности более конкретных временных отрезков деятельности. Так, разбирательство дела нередко складывается из подготовительной его части, изучения обстоятельств дела и их правовой оценки, подведения итогов проведенного исследования и др.

Мы уже неоднократно писали о том, что в правоведении мало внимания обращается на *стохастическую структуру* юридических явлений (в том числе практики), анализ которой имеет большое учебно-методическое, теоретическое и эмпирическое значение. Ведь каждое юридическое дело и каждая разновидность практики своеобразны, уникальны и неповторимы. Стохастическая структура, в частности, и позволяет применительно к конкретной социально-правовой ситуации и разновидности практики выяснить объективно необходимые, стационарные (постоянные) и случайные (переменные, нестационарные) ее свойства, элементы состава и связи между ними. Реальная юридическая практика может состоять из двух и более субъектов и участников, одного и более объектов, разнообразного набора действий, средств и способов их использования, различных (позитивных и негативных, социальных и юридических, нравственных) последствий, затрат времени, финансовых, организационных и иных ресурсов. Таким образом, стохастическая структура позволяет обратить внимание при исследовании юридической практики не только на теоретическую ее модель, но и на «живую» практику, которая, как известно, является одним из критериев истинности, аргументированности и убедительности познания.

Горизонтальная структура позволяет, на наш взгляд, раскрыть взаимосвязь одинаковых по своей природе (юридической силе решений) многообразных видов юридической практики (например, практики областных судов Российской Федера-

ции). *Вертикальная структура* показывает субординационный характер между практиками. Так, практика Верховного Суда РФ более «весома», чем практика нижестоящих судов общей юрисдикции.

Синергетическая структура указывает на то, как достичь в конкретной социально-правовой ситуации и практике (правотворческой, правоприменительной, судебной) ее субъектам и участникам наибольшей эффективности и качества получаемых юридических и иных социальных результатов за счет оптимального использования разнообразных вариантов взаимодействия соответствующих общесоциальных, специально-юридических и технических средств, тактических способов, приемов, методов и правил. Анализ практики конституционного толкования в России показывает, например, что наибольший ее эффект достигается тогда, когда интерпретатор одновременно и комплексно использует конституционные нормативно-руководящие начала, исходные положения национального права и его отдельных отраслей (институтов), а также доктринальные и практически-прикладные юридические принципы. Ярким подтверждением тому служит постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П.

Рекурсивная структура позволяет проследить причинно-следственные связи между различными типами (видами и подвидами) и элементами практики. Например, эффективность правоприменительной практики во многом зависит от качественного законодательства (результата правотворческой практики), грамотного и единообразного понимания и осуществления соответствующих нормативно-правовых и праворазъяснительных предписаний.

Понятие «цикл», «циклическая структура» несут в себе несколько смысловых нагрузок. Они отражают: а) законченность соответствующего юридического процесса предполагаемым (прогнозируемым) и планируемым результатом (результат практической деятельности может быть противоположным поставленной цели, соответствовать ей только частично); б) диахронность развития, т. е. повторяемость использования определенных элементов практики (действий, средств, способов, стадий) в типичных социально-правовых ситуациях; в) накопление правового опыта субъектами и участниками практики, передачу полезной информации от одних участников к другим, от одного их «поколения» к другим «поколениям»; г) замкнутость, упорядоченность использования определенных операций, компонентов юридической техники, тактики и стратегии в правовом процессе в целом, отдельных его стадиях, производствах и режимах [Спицнадель, 2000: 253–254]. Например, Конституционный Суд при толковании Конституции РФ и связанных с ней правовых актов не может нарушать свою компетенцию и выступать в качестве законодателя, игнорировать определенную Конституцией РФ (ст. 125) и ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1 его подведомственность, «перескочить» какую-либо стадию конституционного судопроизводства, не применить тот или иной принцип в необходимой правовой ситуации. Цикличность здесь также заключается в том, что по рассмотренным уже запросам и жалобам Конституционный Суд РФ отсылает заявителей к прежним своим решениям, тем самым не только экономя свое и чужое время, энергию и другие ресурсы, но и демонстрируя стабильность практики конституционного толкования. Цикличность разъяснений по одним и тем же вопросам на указанном этапе развития общественных отношений и в данное время как бы завершается.

Таким образом, полиструктурность юридической практики позволяет нам более последовательно, детально и всесторонне рассмотреть ее природу, строение, место и роль в правовой системе общества.

Функции юридической практики

Это относительно обособленные направления однородного позитивного ее воздействия на субъективную и объективную реальность, в которых конкретизируется ее природа, предметно-преобразующий характер, социально-правовое назначение, место и роль в обществе.

С. С. Алексеев пишет, что «таких функций три: а) *правонаправляющая* (ориентирующая) – функция, призванная объединить, придать единообразный, целенаправленный характер деятельности правоприменительных органов при решении юридических дел... б) *правоконкретизирующая* – функция, выражающая конкретизацию практикой содержания действующего права, образующих его нормативных предписаний... в) *сигнально-информационная* – функция практики, выражающая назревшие требования об изменении, развитии, совершенствовании юридических норм» [Алексеев, 1981: 348–349].

Любая юридическая практика относится к *многофункциональным системам*, что требует более детального разграничения отдельных направлений ее воздействия на реальную действительность.

Одним из существенных критериев классификации рассматриваемых функций является *сфера общественной жизни*, которая подвергается практическому воздействию. По этому основанию можно выделить *экономическую, политическую, социальную, идеологическую, экологическую, демографическую, коммуникативную, информационную* и другие функции. Общесоциальные функции предметно раскрывают управленческую природу юридической практики в обществе.

Наиболее ярко сущность и правовое назначение практики проявляются в ее специфических функциях, где за основу классификации приняты разнообразные критерии: юридические способы воздействия и характер осуществляемых преобразований.

Так, в зависимости от *целей юридического воздействия* все функции юридической практики следует подразделять на *регулятивную* и *охранительную*. Сущность первой раскрывается через регистрационно-удостоверительную (закрепительную), регулятивно-ориентационную и другие ее подфункции, которые нацелены на организацию позитивного поведения (деятельности) людей, их коллективов и организаций. Содержание правоохранительной функции нагляднее всего можно раскрыть через ее подфункции: правообеспечительную, превентивную, правосстановительную, компенсационную, карательную и др.

В зависимости от *итога и юридических последствий воздействия* следует разграничивать *правообразующую, правопрекращающую* и *правоизменяющую* функции практики.

По *времени воздействия* функции юридической практики можно подразделить на *постоянные* и *временные*.

Имеет определенное значение и классификация функций на *основные (главные)* и *неосновные*. Такое разграничение необходимо и важно, во-первых, для выделения соответствующих подфункций. Во-вторых, в определенные периоды развития общества акцент может быть сделан на одной или нескольких важнейших функциях юридической практики (например, на демографической функции). В-третьих, в силу специфической природы конкретного типа (вида и подвида) практики одни направления воздействия на общественную жизнь (например, для правоприменения – правообеспечительное и индивидуально-регулятивное) выступают в качестве главных, а другие (например, влияние правоприменительной практики на правотворчество) – производных, сопутствующих.

Можно также выделять *внутренние* (осуществляются в границах государства) и *внешние* (отражают роль юридической практики в отношении с другими странами) функции.

Необходимо рассматривать не только *явные*, но и *латентные (скрытые)* направления предметного воздействия юридической практики на все сферы жизнедеятельности людей.

Таким образом, если каждая функция (подфункция) показывает отдельное направление, сторону, аспект социально-преобразующей природы юридической практики, то, взятые вместе, они дают более или менее цельное представление о ее месте и роли в правовой системе общества.

Каждый тип, вид и подвид юридической практики обладает своими специфическими признаками, структурами, функциями и подфункциями. Многие из указанных и иных аспектов проблемы подробно рассматриваются в работах Н. Н. Вопленко, А. Т. Гольцова, П. А. Гука, Н. И. Колоколова, В. В. Лазарева, В. И. Леушина, М. Н. Марченко, А. Л. Осипова, Е. Н. Полагинной, Н. М. Придворовой, В. П. Реутова, А. В. Тимофеева, Г. Е. Сушина, У. Батлера, Р. Давида, Р. Кабрияка, В. Павловского, Р. Фабра и других авторов.

В заключение могу отметить, что оригинальность статьи составляет не менее 70 %, и тут же напомнить закон Фелсона: «Кража идей у одного человека (например, С. С. Алексеева. – В. К.) – плагиат; кража у многих – научное исследование» (Полное собрание законов Мерфи).

Библиографический список

- Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия: учеб.* – М.: ТК Велби; Проспект, 2010. – 592 с.
- Алексеев С. С. *Общая теория права: в 2 т. – Т. 1.* – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.
- Бэкон Ф. *Новый Органон. Опыт / пер. с лат. С. Красильщикова, пер. с англ. З. Александровой.* – СПб.: Азбука, 2021. – 448 с.
- Карташов В. Н. *Юридическая культура, антикультура и ответственность в правовой системе общества: моногр.* – Ярославль: Филигрань, 2019. – 352 с.
- Карташов В. Н. *Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника.* – 2007. – № 1. – С. 16–24.
- Комаров С. А. *Общая теория государства и права: учеб.* – М.: Юрайт, 2018. – 506 с.
- Леже Р. *Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход.* – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
- Норбер Р. *Историческое введение в право.* – М.: NOTA VENE, 2005. – 672 с.
- Психологический механизм юридического поведения личности / под науч. ред. В. Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 183 с.
- Радько Т. Н. *Теория государства и права: учеб.* – М.: Проспект, 2009. – 752 с.
- Спиркин А. Г. *Философия: учеб. для студентов высших технических учеб. заведений.* – М.: Гардарики, 2009. – 736 с.
- Спицнадель В. Н. *Основы системного анализа: учеб. пособие.* – СПб.: Изд. дом Бизнес-пресса, 2000. – 326 с.

References

- Alekseev, P. V. & Panin, A. V. (2010) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 592.
- Alekseev, S. S. (1981) *Obshhaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 360.

Bacon, F. (2021) *Novy`i Organon. Opy`ty`* [A New Organon. Experiments]. Saint-Petersburg, Azbuka, 448.

Kartashov, V. N. (2007) Yuridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotory`e metodologicheskie aspekty` issledovaniya [Legal technology or legal technique? Some methodological aspects of the research]. *Legal technique*, (1), 16–24.

Kartashov, V. N. (2019) *Yuridicheskaya kul`tura, antikul`tura i otvetstvennost` v pravovoi sisteme obshhestva* [Legal culture, anti-culture and responsibility in the legal system of society]. Yaroslavl`, Filigran`, 352.

Kartashov, V. N. (ed.) (2011) *Psikhologicheskii mekhanizm yuridicheskogo povedeniya lichnosti* [The psychological mechanism of legal behavior of a person]. Yaroslavl`, YarGU, 183.

Komarov, S. A. (2018) *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow, Yurait, 506.

Leger, R. (2010) *Velikie pravovy`e sistemy` sovremennosti: sravnitel`no-pravovoi podkhod* [The great legal systems of modernity: a comparative legal approach]. Moscow, Volters Kluver, 592.

Norber, R. (2005) *Istoricheskoe vvedenie v pravo* [Historical introduction to law]. Moscow, NOTA BENE, 672.

Radko, T. N. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Prospekt, 752.

Spirkin, A. G. (2009) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Gardariki, 736.

Spitsnadel, V. N. (2000) *Osnovy` sistemnogo analiza* [Fundamentals of system analysis]. Saint-Petersburg, Izdatel`skii dom Biznes-prensa, 326.

Информация об авторе

Владимир Николаевич Карташов – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (e-mail: kartazov@uniyar.ac.ru).

Information about the author

Vladimir N. Kartashov – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of P. G. Demidov Yaroslavl State University, Honored Scientist of the Russian Federation (e-mail: kartazov@uniyar.ac.ru).

© В. Н. Карташов, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 20.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.10.2024